

ПИСАТЕЛЬ НА ВОЙНЕ

РОССИЙСКАЯ СПЕЦОПЕРАЦИЯ КАК СОБОРНОЕ СТОЯНИЕ В ИСТИНЕ

Писатель, участник СВО Алексей ШОРОХОВ отвечает на вопросы журналиста Андрея ФЕФЕЛОВА.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Алексей Алексеевич, как сопрягаются эти две стихии: война и литература? Русские писатели всегда были внутренне связаны с темой войны. Пушкин осуществил своё путешествие в Арзрум с воюющей армией, а не просто поехал прогуляться по Кавказу: он целенаправленно двигался туда, на горящую крошку.

Расскажите, как вы оказались на войне? В каком качестве?

Алексей ШОРОХОВ. У меня всё шло постепенно: с 2015 года ездил в воюющий Донбасс как военкор и писатель. Мы везли библиотекам книги, выступали там, и это было очень важно для людей в Донбассе — знать, что большая Россия их не бросила, что она с ними. Делалось это совершенно самостоятельно, без помощи каких-либо структур: садились в автобусы, ехали в Луганск, Донецк, Горловку.

А с началом СВО мы с Игорем Паниным запустили проект "Буханка" для Донбасса: стали помогать фронту, воюющим частям, на передовую напрямую передавать бойцам автомобили "буханки" со снаряжением. Но я чувствовал, что этого недостаточно для меня. И так получилось, что общие знакомые рассказали обо мне командиру отряда специального назначения "Вихрь". Мы встретились, понаблюдали с нами? Я говорю: "Пойду, если возьмёте". Потому что у меня полностью отсутствовала военная подготовка: в Литературном институте, который я окончил, не было даже военной кафедры.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Что неудивительно для писателя...

Алексей ШОРОХОВ. Не факт, учитывая, что весь цвет Литинститута послевоенный — это фронтовики (и преподаватели, и студенты), которые добровольцами пошли на Великую Отечественную.

Но дело не в этом. Дело в том, что мне было довольно страшно. Человеку, который никогда не служил в армии, страшно без малого в пятьдесят лет вливаться в неизвестный коллектив, где такие асы, которые прошли Сирию, Ливию, Центральноафриканскую республику. Чечню и т. д. Недаром у нас летучая мысль — эмблема подразделения, спецназ ГРУ — костяк отряда. И понять себя, почувствовать на фоне этих людей, конечно, было довольно сложно.

Но приняли меня совершенно замечательно — всегда, везде, во всём помогали, обучали. Обучаемость у добровольцев очень хорошая, потому что, когда такие инструкторы работают с тобой, учишься быстро. Многие из наших командиров прошли свой путь в "Вагнере", кто-то не ужились с Пригожиным, поэтому оказался в нашем отряде.

Самой первой проблемой оказалась казарма, где ты всё время на виду, 24/7. Вот твои боевые товарищи, вот отцы-командиры с боевым опытом, с орденами Мужества и т. д. Из этой проблемы вытекала и вторая, тоже серьёзная, потому что писателю нужно личное пространство. Ему нужно как бы чуть-чуть отстраниться и посмотреть со стороны, побыть одному. А этого, конечно, не было. Ни в "Учебке", ни там более, потом, в зоне боевых действий. Если бы я, как многие здесь в тылу почему-то считают, поехал на войну за материалом, то у меня там ничего бы не получилось. Но я ехал воевать и, в общем, рад, что мне довелось сидеть в окопах вместе с бойцами, нести караульную службу, быть под обстрелом.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Насколько я знаю, вы завершили свою службу после ранения, был удар по месту дислокации.

Алексей ШОРОХОВ. Да, но это не завершение: после госпиталя я вернулся на фронт и ещё два месяца был там.

А тогда мы попали под авиаудар американской планирующей корректируемой бомбой. Мне повезло среди очень немногих остаться живым...

Андрей ФЕФЕЛОВ. Во время срочной службы в погранвойсках меня удивляло, что, с одной стороны, ты как бы лишаясь своей воли, подчиняясь приказу, а с другой стороны, это даёт огромную экономию сил для чего-то другого. Ты отдаёшься этому потоку, движешься в каком-то неизвестном тебе плане коман-

дования, в общем режиме. Это ощущение сопровождало вашу службу?

Алексей ШОРОХОВ. Да, было такое. Но чем отличаются добровольческие подразделения, или укомплектованные контракниками, от призвынников? Добровольцы — это взрослые мужчины, многие сорок плюс, многие с серьёзным боевым опытом. В добровольческом подразделении ты можешь выбирать, куда пойти. И я даже писал об этом, что главное на войне — это Бог и... командир. Когда я познакомился со своим командиром, поговорил с ним, узнал о нём что-то — я понял, что вот с этим человеком я пойду, ему я буду подчиняться совершенно спокойно, без разговоров, потому что мой опыт здесь минимален, а его — огромен. Он прошёл обе Чеченские войны, потом, соответственно, все войны, в которых воевала Россия в XXI веке.

Вопрос доверия командиру очень важен. Сейчас такое время, когда информация, хочешь не хочешь, просачивается через любые препоны. И истории о том, что кто-то повёл колонну и завёл её на мины, кто-то бросил необученных бойцов штурмовать бетонированные укрепления в лоб, — всё это буждает по интернету, и вопрос доверия у многих болезненный. Мне в этом смысле было просто: я верил командиру, знал, что он делает всё правильно, и подчинялся совершенно спокойно, без разговоров.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Наше поколение воспитано на образах Великой Отечественной войны. Но первый же мой опыт соприкосновения с реальными боевыми действиями создал странную абстракцию. С одной стороны, исчезла дистанция между восприятием советской мифологии и реальным опытом столкновения со смертями, совершенно по-другому уже стал смотреть даже советские фильмы про войну. С другой стороны, возникло ощущение, что два война — великая, уже стала эпосом, памятниками, а в реальной жизни эпоса нет, а есть будничность, ежедневность. На таких ощущениях себя не повлишь?

Алексей ШОРОХОВ. Здесь для меня шока не было, я без розовых очков ехал на войну и готов был увидеть много вещей, которые выпадают из парадной картины мира. С другой стороны, у нас же есть опыт великой "лейтенантской прозы" — тот же Юрий Бондарев, Константин Воробьёв, где, в общем, всё это показано.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Какой-то Астафьев...

Алексей ШОРОХОВ. А вот с Астафьевым сложнее. Я попробовал недавно его перечитывать. Он же правил свою прозу до конца дней. Я думаю, ему поощебали при Ельцине, что выдвинул на Нобелевскую премию, иначе невозможно понять, откуда появились все эти перестроенные, постперестроенные редакции, где уже и матерок добавлен, и нравственная грязца, и какое-то ожесточение. Вроде бы он описывает правду, но, допустим, до перестроенной редакции эта правда возвышалась, а здесь уже злоба, мстительность появляется. Это как в поговорке про стакан воды: он для кого-то наполовину полный, а для кого-то наполовину пустой. До перестройки, пока ещё работала цензура, у Астафьева стакан был наполовину полный (та же повесть "Пастух и пастушка"), а потом — опустел, и в той же самой повести появляется совершенно другое.

Я не буду перечитывать фронтовую прозу Астафьева, в отличие от Бондарева или Воробьёва, потому что их правда о войне хороша и жестока, местами тяжёлая, с невыносимыми вопросами, но она возвышает.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Если говорить про литературный процесс, то ведь "лейтенантская проза" появилась не сразу после войны. Они, как и вы, не ехали на войну за "материалом", они добывали своё знание непосредственно в бою. Потом это превращалось в некие образы, а затем эти образы становились частью литературы. Такой процесс сейчас возможен? Появится ли военная проза после СВО?

Алексей ШОРОХОВ. Что касается Великой Отечественной войны, то, когда на войну ехали профессиональные писатели, проза появлялась сразу. "Они сражались за Родину" Шолохова — в 1943 году, "Жди меня" Симонова — в 1942-м, образ Василия Теркина у Твардовского возник вообще ещё в Зимнюю войну с финнами.

Есть красивая история, как ещё задолго до Великой Отечественной в каком-то журнале на редколлегии обсуждали "Страну Муравью" Твардовского, ругали, мол, кулацкий дух, крестьянщина. Сидел на этом собрании и Пастернак, по сторонам смотрит. Слушает — Твардовского всё критикуют и критикуют... Посидел-посидел и говорит: "Да что тут обсуждать, это же гений". Встал и ушёл. То есть Твардовский совсем не мальчиком пошёл на войну, а сложившимся писателем.

Так что профессиональные писатели пишут на войну уже полностью готовые, классические произведения.

Другое дело люди, которые попали на войну, не имея литературного образования, литературных навыков, но обладающая писательским даром от Бога. Они начинают писать после войны, садятся на студенческую скамью в Литературном институте, оттачивают мастерство, и уже потом фронтовая проза, написанная ими, появляется в печати.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Понятно, что стилистический литературный процесс — это мощный поток, в который влились совершенно разные люди: от Симонова до Платонова. Но сейчас нет такого мощного, полнокровного литературного процесса, скорее, ручей. Писателей первого типа, то есть действующих писателей, что поехали бы на фронт и сразу же выдали бы готовые произведения, практически нет, а второй тип вроде ещё не созрел. И получается, что пока очень мало литературы об СВО.

Алексей ШОРОХОВ. Позвольте не согласиться. Профессиональные писатели поехали на эту войну. Это и Дмитрий Филиппов, автор романа "Я — русский", достаточно нашумевшего до войны. Он сейчас под Авдеевкой, офицер, там воюет. Недавно уехал Алексей Полубота, он секретарь Союза писателей и известный поэт, автор многих книг. Дмитрий Артис пошёл добровольцем. Прозаик Олег Черняев...

И есть начинающие писатели, лейтенанты молодёжи, которые очень хорошие стихи пишут, уже многие стали членами Союза писателей России. Им вручают билеты. Это фронтовой призыв, без привычных бюрократических процедур. Такие как Сергей Лобанов, лейтенант-десантник. У него орден Мужества и прекрасные стихи. Многие из них, конечно, пишут ещё не совсем литературно грамотно, им предстоит работа над своим словом, но мощный пласт литературы об СВО уже идёт.

Время сейчас ускорилося, и процесс обучения и самообучения тоже. Я думаю, что у нас большого затора между нашей победой и появлением серьёзного корпуса текстов об этой войне не будет. Появятся вещи, по слову Кожина, написанные не о войне, а написанные войной. Я думаю, этот процесс будет гораздо быстрее, чем в Великую Отечественную войну и в послевоенные годы. Мы получим новое, очень интересное, очень непострое представление о жизни, о войне, о смыслах, которые рождаются сейчас.

Андрей ФЕФЕЛОВ. В этом ряду должен быть и образ врага.

Алексей ШОРОХОВ. Да, это важнейшая часть любой войны. У нас до сих пор по методичкам, которые спускаются сверху, мы воюем "с украинскими националистами". Пытались ввести определение "немцы", привязав к Великой Отечественной — не прижилось. А вот определение "хохол" — да. В армии достаточно быстро разобрались, и в рациях сегодня звучит: "Что, хохол? С какой стороны зашёл?"

И это совершенно нормально. В Великую Отечественную тоже была интернациональная доктрина, что мы не воюем с немецким народом, а воюем с капиталистами, и вот-вот немецкие рабочие обратят свои штыки против мелких лавочников, которые засели в Рейхстаг.

И вдруг выяснилось, что немецкие рабочие с удовольствием вырезают русских, жгут деревни, что они, в первую очередь, не рабочие, а немцы. И это наш тысячелетний враг!

Сейчас иное, сейчас русские воюют против зомбированных, перекодированных русских.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Работа писателя идёт через формирование образов, слепков с реальных событий. Были ли какие-то яркие случаи?

Алексей ШОРОХОВ. На войне очень важная вещь — интуиция, "чуйка", можно по-разному называть. Произошёл со мной такой случай. У нас на Херсонском направлении был пункт временной дислокации (ПВД), хороший двухэтажный домик, в одном тихом месте с деревьями. Санаторий какой-то семейный, довоенный, где достаточно большое количество бойцов могло разместиться на первом и втором этаже. Конечно же, маскировались, машины подальше оставляли, по открытой местности не бегали, потому что всегда поверху ходили беспилотники вражеские, смотрели. Плюс у них онлайн вся натовская спутниковая разведка работает, картинку с земли они видят хорошо, в режиме нон-стоп. Поэтому все необходимые меры предосторожности мы соблюдали, но когда большое количество людей где-то живёт, это всё равно заметно. И где-то через месяц наша радиоэлектронная разведка перехватила несколько сообщений хохла, что это место попало в первоочередные цели. ПВД находился километрах в двадцати от линии фронта, то есть калибры 152-мм и меньше не добавили, но для "Ольхи" (это их вариант "Смерча") и уж тем более для "Хаймарса" это орешки. И мы быстро, как нам только эту информацию довели, снялись, сели в "Уралы" и всё увезли, оставили место пустым.

А потом одному товарищу пришла в голову идея меня туда поселить, спустя месяца два. Опасности уже нет, вроде как. А командир в это время был в отъезде, какие-то дела решал по обеспечению отряда в Москве. Вот я и поехал, там блокпост неподалёку стоял наш, в километре. Но надо понимать, что это Херсонская область, а не Донбасс, население немного другое.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Поэтому не совсем уютное ощущение?

Алексей ШОРОХОВ. Да, я спал — у меня ГИМ (пистолет Макарова) под подушкой и автомат в руках.

А тем временем командир приехал, спрашивает: "Где Шорохов?" Ему отвечают, а вот там. Он звонит мне: "Немедленно уезжай, с вещами!" Я быстро собрался и уехал, а через день туда прилетел "Хаймарс", всё здание, соответственно, сложилось.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Когда существует угроза жизни, здоровью, собственному или близких людей, меняется мировосприятие, снимается с человека некая плёнка. Ведь обычно как живут люди своей жизнью изо дня в день, у них всё в порядке, и вдруг всё это исчезает, возникает другой мир. Вы почувствовали этот экзистенциальный внутренний переворот?

Алексей ШОРОХОВ. Это очень точное слово, экзистенциальный. Здесь от экзистенциализма, как я считаю, последнего великого философского учения, нам нигде не уйти. Потому что человек (особенно в современном мире, где бесперывный информационный шум, болтовня, ты постоянно не сам, а с кем-то, в чём-то: в социальных сетях, звонках, переписке) становится самим собой только перед лицом смерти и перед лицом вины, как утверждает экзистенциализм, и утверждает абсолютно правильно.

Потому на войне появляется, конечно, ощущение, что здесь — это ты сам, и ничего лишнего. Это твои поступки, это тебе страшно, но ты сам себя пересиливаешь. Ты постоянно не сам, а с кем-то, в чём-то: в социальных сетях, звонках, переписке) становится самим собой только перед лицом смерти и перед лицом вины, как утверждает экзистенциализм, и утверждает абсолютно правильно.

Потом уже как-то привыкаешь, даже был случай: мы на "ноле" стояли, и у нас сзади закопалась наша арта, Д-30, гаубицы. Они без остановок, 24/7, работали по хохлу! А хохол, понятное дело, обижался и накидывал нашим в ответ, пытаясь накрыть этот дивизион, там восемь пушек было. Но командир дивизиона поставил его с умом, за песчаным отвалом карьера. Поэтому всё, что летело по наветной, в песок уходило. Но нам-то всё время казалось, что наших накрыли, то есть, к примеру, хохол выпустил половину пакета "Градов", 20 штук, мы считаем... А это всё у нас над головами шуршит, артиллеристы метров в 200–300 от нас стояли. Хохлы были точно, потому что могли бы нас случайно накрыть, если бы не долетели бы.

Считаешь, раз-два-три... двадцать! Наши молчат. Ну, думаем, всё, надо идти, посмотреть артиллеристов: кто уцелел вообще? Живы, нет?

И вдруг откуда — первый пристрелочный, и поехало. Значит, они песок из ушей высыпали, вылезли и пошли по новой. Какие-то неубиваемые ребята были, хотели с ними познакомиться даже, сходить просто посмотреть на них.

Да, есть это экзистенциальное чувство — чувство того, что здесь люди такие, какие они есть, и это одна из основ, самых важных, неотменимых, фронтового братства. То есть люди, которые "на передке", — это братство, оно потом и в госпиталях остаётся, у тех, кто оттуда. Это совершенно однозначное ощущение. Таким людям объяснять не надо, что, как — все всё понимают.

Андрей ФЕФЕЛОВ. В какой-то момент в истории человечества, вероятно, всего, в Первую мировую, произошёл перелом в характере войны: на первый план вышла техника. Раньше люди шли друг на друга с мечами или с палицами, потом армия на армию. Важны были личное мужество, сила. А сейчас, если быть артиллерией, как уверяешься от неё? Оператор беспилотника вообще откуда-то из безопасного далека управляет "птичкой", и она сбрасывает на тебя гранату. Насколько момент соприкосновения с техникой инфернален?

Алексей ШОРОХОВ. Даже не Первая мировая, а, скорее, Франко-прусская война была поворотной точкой. Собственно, Фридрих Ницше как раз и появился из этой новой, бесчеловечской войны. Он был сани-

нитаром и насмотрелся на всё это (тогда как раз появилась новая тяжёлая артиллерия). Раньше человек мог видеть свою смерть. То есть, грубо говоря, 100—200—300 метров, но ты видишь, кто стреляет. Даже в 1812 году можно было увидеть, как из пушек на холме ядра летят. А в конце XIX века впервые появилась эта бессмысленная смерть: бойцы сидят возле котелка, готовят себе кашу, и откуда-то за 2–3 километра прилетает — бах! И нет их!

А с 1914 года, когда полетело за 10–15 километров, эта бессмыслица неизмеримо возросла, оттуда все Ремарки и Хемингуэйи пошли.

Сегодня технологии шагнули неизмеримо дальше. На юго-западных рубежах России идёт война с коллективным Западом, где за зомбированной украинской пехотой стоит вся его технологическая мощь. После Великой Отечественной войны это самый масштабный вооружённый конфликт, не самый кровавый, но по отневой совокупной мощи, по всему, что используется, ни Чечня, ни Афганистан и близко не находятся. С той стороны работают тяжёлые артиллерийские системы, авиация, ракеты средней дальности, реактивные системы плюс радиоэлектронная борьба (РЭБ), спутниковая разведка, беспилотники. Я не говорю уже про нашу сторону, которая тоже во всеоружии выступает. Поэтому, кроме ядерного оружия и химического, сегодня используется весь арсенал, который есть у самых передовых армий мира: у российской и у западной (американской, немецкой, французской и так далее, поставляющих хохлу технику и инструкторов).

Фактор беспилотников... Эта война интересна ещё и тем, что, если тебя не убьют, есть возможность посмотреть видеозаписи, как тебя пытались убить. Вот как со мной получилось. Хохлы же на следующий день выложили видео этого удара, а наши ребята мне потом в госпиталь прислали видео штурмовика Су-25, который это сделал, он над нашими позициями развернулся, чтобы не заходить в зону поражения.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Сейчас даже можно разгадать, что был за штурвалом.

Алексей ШОРОХОВ. Да, и это можно найти. Я надеюсь, что его приземлили, и надеюсь, что пилот не выжил, не из чувства мести, а просто потому, что уничтожение квалифицированных пилотов противника приближает нашу победу, ведь первого встречного на улицах Одессы не схватили и не посадили за штурвал самолёта.

Но продолжу тему. Самое грозное сейчас — беспилотники, и даже не те, которые бросают ВОГИ (ВОГ — выстрел осколочный гранатомётный. — Ред.), мины, это всё-таки уже вчерашний день. А в первую очередь это FPV (First Person View — высокоскоростной БПЛА, ведомый оператором в очках виртуальной реальности. — Ред.), "камикадзе". Причём той стороне их сотни тысяч поставляют. Дошло до того, что гоняются за отдельным бойцом. Когда я пришёл на фронт, уже на втором году войны, в 2023-м, у нас была такая установка, что да, им нужны танки, "Грады", наши "Подсолнухи", станции РЭБ и прочее. За этим они охотятся. Ну а мы, пехота, зачем им нужны? А заканчивал я свой контракт — они уже гонялись за каждым бойцом. Человек поехал на мотоцикле около линии боевого соприкосновения (ЛБС), а за ним уже камикадзе полетел.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Получается аналог пули, но точно бьющей?

Алексей ШОРОХОВ. Точно бьющей и снимающей это на видео. Это тоже интересный момент современной войны, её синхронная "экранизация".

Андрей ФЕФЕЛОВ. Современные средства связи позволяют создать оператору беспилотника вне зоны поражения артиллерии противника. Он может находиться, например, в другой части света.

Алексей ШОРОХОВ. Это справедливо для ударных беспилотников типа американских "Рипперов" и прочих "Жикингов". FPV-дроны работают на небольшой дистанции, для эффективного удара операторы рискуют и с той, и с нашей стороны.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Не зря же Маск запускает свои спутники, словно мечет в небо информационную икру. Это тоже для того, чтобы сидеть где-нибудь в Калифорнии и управлять беспилотником, который воюет на Украине?

Алексей ШОРОХОВ. Как человек, написавший книгу о Маске, выдержавшую уже четыре издания, могу сказать, зачем он мечет эту "икру". Группировка "Стар-линк" — это низкоорбитальные спутники, они сгорают постоянно. Чтобы поддерживать работающий Интернет, надо выводить новые: 20–30 за пару месяцев обязательно сгорают, соответственно, 20–30 новых надо выводить.

Андрей ФЕФЕЛОВ. А помочь им сгореть можно?

Алексей ШОРОХОВ. Группировка мажорских спутников насчитывает около 3 000 штук, поэтому, когда наши патриоты диванные говорят: "Да что там, ведро гвоздей рассыпать, и всё", — мне, конечно, смешно, потому что надо 3 000 вёдер гвоздей рассыпать тогда.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Также не жалко, в принципе.

Алексей ШОРОХОВ. Да, но для этого мощности у Роскосмоса должны быть немного другие. И ослепить лазерами их тоже нельзя, потому что терминал "Стар-линк" одновременно видит 5–7 спутников, то есть он получает Интернет с 5–7 спутников. Следовательно, надо, во-первых, вычислить, какие спутники он видит в данный момент, и, во-вторых, их ослепить, а это тоже очень сложно.

Но есть и хороший момент: до 24 февраля 2022 года вся украинская армия и госслужбы сидели на европейском спутнике "Ка-Сат". А в ночь на 24 февраля, я об этом писал, с этим спутником что-то случилось.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Забарахлил, закоротило!

Алексей ШОРОХОВ. Да так, что он после этого не вышел на связь. На высоте 25 тысяч километров от Земли с ним связались с неустановленной территории неустановленные лица и произнесли короткую фразу: "Время ЗИ" После чего он перестал работать. И тогда хохлам пришлось в срочном порядке искать замену. Их армия осталась без связи. "Большой брат" нажал на Маска, и на Украину военнотранспортными бортами Пентагона полетели сотни и тысячи терминалов "Стар-линк", который позиционировался до этого как гражданский.

Андрей ФЕФЕЛОВ. А каково настроение людей на фронте?

Алексей ШОРОХОВ. Когда ребята с фронта говорят: "победа за нами" или "победа обязательно будет" — это не какой-то идеологический штамп, никакие кровавые знаменательности с революциями за спинами не стоят. А это полная, спокойная уверенность. Я до фронта тоже поддавался каким-то истерикам, которые в тылу очень часто случаются, особенно в телеграмм-каналах: "Херсон сдали", то да сё. Это часть здешней суетной жизни. А оттуда возвращаешься со спокойной уверенностью, что мы победим. Бог с нами, ведь мы не выгоняем монахов из Троице-Сергиевой лавры, как они из Киево-Печерской и Пochaевской, мы не воюем с Богом. Мы воюем за нашу веру, за нашу землю и за други своя.

Люди, воспитанные на "Бородино", на "Севастопольских рассказах", спокойнo идут и умирают за Родину, им это не надо объяснять.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Ваш взгляд на будущее России после победы?

Алексей ШОРОХОВ. Мой взгляд на будущее России даже в самые страшные годы ни разу не омрачился. Рильке сказал, что "все страны граничат друг с другом, и только Россия граничит с небом", то есть с Богом. У России как у последнего оплота христианства, оплота традиционных ценностей нет никакого другого пути, кроме как это стояние в истине. И Победа, конечно, это тоже наша национальная идея. Поэтому Россия будет укрепляться, она уже сейчас укрепляется. Россия будет ослаблять от себя всю эту дрянь, грязь, напиль. Эта грязь и сама отваливается, уезжает на свою историческую родину, бежит на Запад.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Возможна ли победа уже в этом году?

Алексей ШОРОХОВ. Ситуация такая, что нас поставили перед необходимостью воевать. То есть мы являемся стороной, против которой была развязана агрессия. Соответственно, сторона, против которой развязана агрессия, всегда хуже подготовлена, чем та сторона, которая её развязала. У той стороны все преимущества: они наладили логистику с 2014 года, подготовили и переподготовили бригады, корпуса, ССО. Западные инструкторы не выезжали с Украины, хохлов вывозили тысячами во все страны НАТО учить пограмотнее убивать русских. Они в бетон заливались восемь лет. Поэтому всё так непросто.

Против нас начали войну, и общество застало в той ситуации, в какой оно есть. "В чём застану, в том и сужу", — как сказано в Библии. И нас судят именно вот с этим обществом, в том числе с теми, кто ломанулся от войны прятаться в Грузию, Латвию, Чехию. А ведь они же не просто бегут и говорят: "Да, я — трус", — им же надо как-то это идеологически обосновать, перед своими женщинами как-то выглядеть. Естественно, они сразу становятся "борцами с режимом". Так же солидные: "Я борюсь с режимом, я не поддерживаю СВО, я за мир". Как признаться, что ты — трус и бежал от мобилизации? А скажи: "Я — противник Путина", — и ты в шоколаде. В первом случае ты выглядишь ничтожеством, кем, по сути, и являешься, а во втором случае кажешься себе героем.

Потому что никогда не говорил о быстрой победе. Наоборот, мы за три месяца до СВО сняли короткометражный фильм с прекрасными актёрами, с покойным же Славоу Гришечкиным, с Эдуардом Флёровым: "Победа обязательно будет!" Где рассказывалось о том, что нам предстоит тяжёлая кровопролитная война. А некоторые пропагандисты... гм... хотел другое слово употребить... говорили, что "через три дня мы будем во Львове, через неделю в Варшаве".

Андрей ФЕФЕЛОВ. Я употребляю слово "игуанодоны"!

Алексей ШОРОХОВ. Мне было понятно, что будет война, и война будет кровопролитной и тяжёлой. Государственный аппарат застал в том виде, в каком есть, где на всех уровнях есть люди, которые осуществляют сегодня саботаж. И в других сферах, мягко говоря, очевидна была неготовность. Но это стандартная ситуация для тех, на кого напали.

А что, в 1941-м было лучше, когда были Киевский котёл, Вяземский котёл? Или лето 1812-го было лучше?

Что касается России, войну заканчивает и побеждает всегда не та Россия, которая в неё вступала. Россия 1814–1815 годов — это не Россия 1812 года. Это понимание, что есть великий русский народ, приходит! Понимание, что это не красивые драгуны или гусары проскакали, а в войне победил русский мужик, поднявший топор войны крестьянской. И сразу меняется взгляд на русский народ.

То же самое в 1941-м. Сталин 1941 года и Сталин 1945 года, автор победного тоста "За великий русский народ!", — это два разных Сталина.

И СВО закончит не та Россия, которая начала её в 2022 году, это однозначно. Это будет другая Россия, таким образом мы движемся в мировой истории. Это таинственный, промыслительный процесс.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Согласен. Спасибо, дорогой Алексей Алексеевич, за беседу!